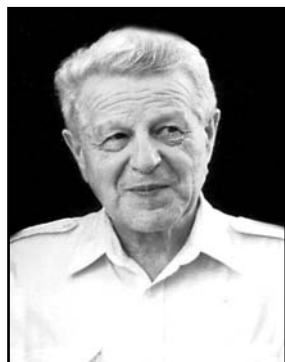

Л.Я. ЗИМАН,
доцент МГПУ и МГУКИ

Нравственная чистота — и игровое начало

(К 180-летию со дня рождения английской писательницы
Кристины Россетти)

В 1848–1853 гг. в Англии функционировало «Братство прерафаэлитов». Прерафаэлиты, как утверждается в словаре «Эстетика» (М., 1989), стремились использовать «в новых условиях образную систему и типы “наивной религиозности” средневекового и ранне-ренессансного искусства эпохи “до Рафаэля”».

Непосредственность чувства, нравственная чистота, религиозно-мистические мотивы — эти черты были характерны как для живописи, так и для поэзии прерафаэлитов. Как часто бывает в истории искусства, возвращение к ранним ценностям привело в конечном итоге к созданию ценностей новейших — прерафаэлиты оказались предшественниками художников-модернистов, придерживавшихся поэтики эстетизма.

Во главе «Братства прерафаэлитов» стоял художник и поэт Данте Габриэле Россетти. Критиком, теоретиком братства стал его брат Уильям Майкл. Примкнула к прерафаэлитам и их младшая сестра Кристина (1830–1894), в литературном творчестве которой, наверное, в наибольшей мере отразились религиозные и нравственно-этические мотивы прерафаэлитского искусства. В историю литературы она вошла, прежде всего, как одна из ярчайших представителей литературы для детей. В её детских стихотворениях мы тоже встречаем религиозные мотивы:

Что мне отдать небесному Отцу?
Будь я пастух, я б отдала овцу,
Будь я мудрец, я отдала бы слово...
Могу отдать лишь сердце. Я готова.

Перевод Маши Лукашкиной

По свидетельству Уильяма Майкла Россетти, ставшего её биографом, она начала писать в одиннадцать лет, на следующий год были опубликованы два стихотворения двенадцатилетней девочки.

Первый стихотворный сборник был издан, когда Кристине исполнилось семнадцать лет. Она писала и стихи, и сказки, и литературоведческие эссе (две статьи о Данте), и публицистические статьи. Большим успехом в читательской аудитории пользовался цикл сонетов «Безымянная мадонна», написанный от имени платонически влюблённой итальянки средних веков (и название цикла — на итальянском языке: *Mopna Innominata*) — может быть, от имени дантовской Беатриче, а может быть, от имени петрарковской Лауры. «Кристина Россетти даёт им голос», — утверждает Словарь британских женщин-писателей (1989).

Получила домашнее образование и не просто любовь, а прямо-таки обожание к матери пронесла через всю жизнь. Ей посвятила первый сборник.

Все знавшие юную Кристину отмечали её внешнюю привлекательность, её мелодичный голос. Знаменитый брат её писал портреты Кристины, не раз она становилась моделью для его картин. Но сама Кристина отнюдь не стремилась подчеркнуть свою привлекательность: и одевалась очень скромно, и вела себя очень скромно, как подобает истинной христианке. Восемнадцатилетней поэтессе сделал предложение художник-прерафаэлит, друг старшего брата Джеймс Коллинсон, получил отказ: вступившая в лоно англиканской церкви, Кристина не могла себе позволить выйти замуж за католика. Хотя, безусловно, его любила, однажды даже упала в обморок, встретив Коллинсона в компании с братом Майклом.

Когда она была уже, так сказать, в бальзаковском возрасте, ей сделал предложение учёный-классик, полиглот Чарльз Кейли, но и он получил отказ, так как не разделял взглядов Кристины на плотскую любовь, плоть она считала наряду с дьяволом одним из главных врагов своих: наивная религиозность и абсолютная нравственная чистота были для неё не только чертами прерафаэлитской поэтики, но и основой всей жизни. Чистота и непосредственность чувства — наверное, именно эти качества привели Кристину Россетти в поэзию для детей — в первую очередь для самых маленьких детей (дошкольного и младшего школьного возраста).

Кристина Россетти была одинока. К тому же тяжело больна. В 1865 г. у неё установили туберкулёз. Через два года выяснилось, что диагноз ошибочный. Однако слабость писательница чувствовала постоянно — и через шесть лет после первого — ошибочного — диагноза у неё явно обозначились симптомы базедовой болезни... К этому следует добавить материальные трудности, которые испытывала семья после того, как отец оставил преподавательскую кафедру в одном из колледжей. Россетти зарабатывала на жизнь литературной подёнщиной, в течение года, в возрасте 23 лет, преподавала в школе провинциального городка, где жила тогда её семья, но с переездом в Лондон вынуждена была оставить педагогическую деятельность и работала сначала сиделкой в госпитале — во время Крымской войны, а затем в течение десяти лет няней в Доме милосердия — приюте для матерей-одиночек, для женщин с несложившейся судьбой. Именно в это время она пишет свои лучшие стихотворения для детей.

Преследуемая более чем десятилетие ожиданием собственной смерти, она в конце 70 — начале 80-х гг. хоронит одного за другим старшую сестру Марию, ушедшую в конце жизни в монастырь, брата — прославленного художника и поэта Данте Габриэле, возлюбленного Чарльза Кейли.

Последние восемнадцать лет она провела у себя дома, по сути, в добровольном заточении. Целые дни проводила в молитвах. Редких посетителей встречала в чёрном, чуть ли не в монашеском одеянии, печальная, робкая, даже пугливая. А когда-то в доме её брата встречались многочисленные гости, и среди них Льюис Кэрролл, оставивший фотографии членов семьи, в том числе Кристины.

«Разбитым болезнями инвалидом, по временам смотрящим в лицо Смерти, которая тесно приближалась к ней», называет её в своих воспоминаниях брат писательницы Уильям Майкл

Россетти. Однако Словарь британских женщин-писателей призывает не доверять всецело свидетельству брата.

Тема смерти действительно часто звучит в её произведениях, проникла и в некоторые (немногие) детские стихи. Но смерть поэтесса воспринимает по-христиански, как сон, избавление от мирских страданий, путь к иной — высшей — жизни.

Одним из первых стихотворений Кристины Россетти, переведённых на русский язык, было стихотворение «Up-hill» (дословный перевод — «В гору» или «Подъём»). В нём рассказывается о путнике, взбирающемся на гору, где ждёт его уже приготовленная постель. Стихотворение это аллегорическое: подъём в гору — это жизненный путь христианина, который, подобно Иоанну Лествичнику, как бы по ступеням «восходит к совершенству и через то к блаженству» (цит. по: Жития всех святых / сост. Иоанн Бухарев. — Репринтное издание. — СПб, 1996. — С. 172). В блистательном, по нашему мнению, переводе В.Л. Топорова (1981) стихотворение получило название «Восхождение». В последней строфе в этом переводе утверждается, что путника в конце пути ждут «покой и тишина».

Что же касается детских стихотворений Кристины Россетти, то они буквально пронизаны светом, любовью ко всему живому: к явлениям природы, к животным, к цветам...

Первым произведением для детей, принесшим писательнице подлинную популярность, была полиметрическая сказочная поэма «Рынок Гоблинов» (*Goblin Market*) (1859).

В ней рассказывается о двух любящих друг друга сёстрах, одна из которых — Лизи — соблазнилась призывом гоблинов попробовать их волшебные фрукты. Больше она не услышит зова гоблинов и не сможет вновь попробовать таких сладостных плодов. Тоска же по ним приводит к полному изнеможению и в конечном счёте к смерти. К гоблинам отправляется сестра её Лора, которая не поддаётся на их соблазны. Сок от плодов, бросаемых в неё взбешёнными гоблинами, стекает у Лоры по щекам. Слизав капли этих соков со щёк сестры, Лизи освобождается от своей напасти. При всей экзотичности сюжета здесь явно прослеживается христианская тема грехопадения от «запретного плода» и самопожертвования во имя спасения ближнего.

Первое издание этой сказочной поэмы было иллюстрировано знаменитым братом автора, вождём прерафаэлитов.

Лучшие произведения Россетти для детей вошли в сборник 1872 г. под названием «Концерт-фантазия. Книга детских стихов» (*Sing-*

song. *A Nursery Rhyme Book*). Вторую часть заглавия — жанровую характеристику можно перевести и как «Книга няниных стихов». Стихи, по словам поэтессы, были подсказаны ей маленьким мальчиком, которому она и посвятила сборник.

Некоторые стихотворения написаны от лица ребёнка, и в этом плане поэтессе вполне справедливо считают предшественницей (наряду с Уильямом Блейком и Кейт Гринуэй) Роберта Льюиса Стивенсона, чей «Детский цветник стихов» по праву воспринимают как литературное открытие, начало подлинной детской поэзии в европейской литературе. По крайней мере, некоторые стихотворения Кристины Россетти заслуживают такой же оценки.

Одно из бесспорных достоинств стихотворений Россетти — музыкальность, восходящая к фольклорной мелодике прибауток, потешек, закличек, игровых припевов, колыбельных песен.

В духе фольклорных закличек лирический герой, в котором так часто узнаёшь ребёнка, обращается к божьей коровке, которую сравнивает со своей куклой; к гусенице, которой желает начать новую жизнь — бабочкой; и к ласточке, которая должна принести с собой лето и солнце; и к ветру, которому некогда отдохнуть; и к луне — в одном из стихотворений называет её Леди Луна.

Поразительная доброжелательность ко всем, к кому обращается лирический герой, соединяется с детской любознательностью — и детской наивностью. Эта та детская игра, где всё понарошку и всё взаправду, где вроде бы понимаешь, что очеловечивание сил природы — из сказки, и в то же время, «выгравшись», веришь в эту сказку и в то, что ветер и луна поддержат с тобой диалог.

Очень много стихотворений посвящено животным. Наверное, программным среди них является «Никого не обижай»:

Никого не обижай —
Ни пчелу, ни мушку,
Ни улитку,
Ни жучка — тёмненькое брюшко,
Ни кузнечика,
В траве
Скачущего ловко,
Ни блестящую в листе
Божию коровку,
Ни синицу, ни дрозда,
Ни крота слепого...
Ни за что
Никогда
Не обижай живого.

Перевод В. Лунина

В оригинале этого стихотворения среди тварей живущих, которых нельзя обижать, упоминаются и комар, и даже червяк. В детстве Кристина Россетти, писал её брат Уильям Майкл, «оказывала предпочтение эксцентричным, неловким, неуклюжим животным по сравнению с животными эффектными, элегантными».

Часто животные — детёныши и их родители. В одном из таких стихотворений рассказывается о весёлых играх «шерстяной оравы» ягнят.

Очень строго блеют шерстяные мамы,
За детьми следят.

Перевод наш — Л.З.

В других стихотворениях повествуется о цыплятах, о птенчиках, спящих под маминым крылом. Есть даже стихотворения, где вместе шалют резвый ягнёнок и резвый ребёнок или передаётся «семейная (домашняя) идиллия»: собака в конуре, киска на коврикe, а ребёнок на коленях у мамы — и все любимы.

Конечно же, здесь многое — от детской игры. Но ведь, по сути, все детские стихотворения Кристины Россетти — игровые.

Сюжетом ролевых игр становится ожидание мужа-матроса, ушедшего в дальнее плавание, или морской «рейс» вместе с маленьким братцем-моряком, или обращение к матросу, к лодочнику. Эти стихи напоминают фольклорные песни-монологи или диалоги. То, что герои Россетти так часто играют в матросов, естественно: ведь они англичане, граждане морской державы, давшей детям всего мира столько приключенческих морских книг (начиная с «Робинзона Крузо» Даниеля Дефо и «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта). Но играют они и в королей и королев. Кто же из детей хоть раз в жизни не мечтал стать королевой? Или королём? Принцессой? Принцем?

— Вдруг я стану Королевою...
Радуюсь судьбе,
Королём тебя я сделаю,
Чтоб служить тебе.

— Вдруг мне Королём — в короне
Стать дано судьбой.
Королевою — на троне —
Станешь мне женой.

Перевод наш — Л.З.

Среди игр, предлагаемых Кристиной Россетти маленьким читателям (или слушателям), игры лингвистические, построенные на омонимии или многозначности слов. Сборник «Концерт-фантазия» был написан через семь лет после появления «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэр-

ролла, который, как уже говорилось, был в дружеских отношениях с Данте Габриэле Россетти — и его игровые приёмы оказались близкими его младшей сестре. Надо сказать, что кэрролловские лингвистические игры вообще стали знаковым явлением английской детской литературы, прочно вошли в ткань многих популярнейших в детской аудитории книг: «Мэри Поппинс», и «Винни-Пух», и сказки Эдит Несбит, и стихи Спайка Миллигана, и др. Одной из первых (или даже первой) их восприняла Кристина Россетти. Её лингвистические игры не только и не столько веселят детскую аудиторию, сколько, заинтересовывая ребёнка, прежде всего, служат расширению его кругозора, развитию языковой мобильности. Такова, например, загадка:

Голова без уха,
ушко без головы.
Отгадайте, ну-ка!
Сможете ли вы?
Быть может,
поможет
подсказочка эта.
Гляди-тка,
на нитке
висит пол-ответа.

Перевод наш — Л.З.

Эта загадка построена на многозначности слов *head* (голова — головка) и *eye* (глаз — ушко). Слово *глаз* в переводе заменено на *ухо* и *ушко* (у иголки).

Одно из стихотворений целиком построено на нанизывании полисемичных и омонимичных слов: «у булавки есть голова, но нет волос; у часов есть лицо, но нет на нём рта; у иголок есть глаза, но они не могут видеть» и т.д. Естественно, перевести близко к тексту на русский язык такое стихотворение невозможно. Однако В. Лунина нашёл своеобразные аналоги самого принципа нанизывания таких слов. Если некоторые фразы просто переведены, и головка у булавки в его пересказе, как и в оригинале, оказывается без волос, то другие заменены на русские полисемичные и омонимичные лексемы. Например, у чайника есть носик, но нет головы, у иголки есть ушко, но она не слышит, туфли имеют язычок, но не говорят... Заканчивается этот игровой перевод у Лунина так:

Есть у расчёски зубы, но есть не может она,
За месяцем месяц проходит, а не за луной луна.
Есть рукав у потока, хоть поток не одет,
Папку носят под мышкой, а под кошкою — нет.

Братья и сёстры Россетти были детьми итальянского эмигранта, поэта Габриэле Россетти,

который преподавал в лондонском колледже итальянский язык и литературу. Естественно, дети воспитывались в двуязычии, итальянская культура занимала видное место в их жизни и творчестве. У Кристины Россетти это отразилось и в сонетах, и в ряде незавершённых замыслов, писавшихся по-итальянски. Она создала более трёх десятков италоязычных версий стихотворений из «Концерта-фантазии», которые составили небольшой сборник под названием «Колыбельная песня» (*Ninno-Nanna*). Действительно, и начинают, и заключают его колыбельные.

Сопоставление двуязычных версий может помочь — и не только переводчику — явственнее увидеть некоторые черты авторской поэтики. В одном из стихотворений свинью («свина» — мужской род), когда у него хвост приходит в негодность, в английской версии отправляют к портнихе, чтобы она пришила ему новый хвост, а в итальянской — к адвокату, который оформит приписку к завещанию. Дело в том, что здесь обыгрываются созвучия слов *tail* — хвост и *tailoress* — портниха в английском языке и *coda* — хвост и *codicillo* — приписка к завещанию — в итальянском. И эта «кэрролловская» игра слов для автора важнее фабульных соответствий. Следовательно, для перевода этого нонсенса на русский язык необходимо найти существительное, созвучное слову *хвост*. Например:

Если вдруг наденет хряк
Панталоны или фрак,
В нём узнаешь непременно
Истинного джентльмена.
Хряк лишился вдруг хвоста –
В вуз примчался неспроста:
Здесь ему в любой момент
Хвост отдаст хвостист-студент.

Перевод наш — Л.З.

Можно, наверное, использовать и фразеологизм *хвост в очереди*.

Надо сказать, что и в английской, и в итальянской версии к свинье (свину) относятся как к джентльмену, если она (он) наденет парик. Но для русскоязычного читателя понятие *джентльмен* ассоциируется не с париком, а с цилиндром, тросточкой или фракком. С.Я. Маршак в своё время, переводя английский фольклорный нонсенс о свинье без парика, оставил её, вернее их — двух свинок, без шляп и ботинок. Вот и мы заменили парик фракком.

Есть у Россетти двуязычная версия стихотворения, где сталкиваются морские и обычные, «наземные» лошади (*horses* в английском и *cavalli* в итальянском языке). Фразеологизм, дословно переводимый с этих языков как морские

лошади (лошадки), обозначает белые пенистые волны. Мы их называем барашками, что и использовали в переводе.

А в двуязычной версии другого стихотворения-нонсенса рассказывается о том, как при помощи зонта рыбки защищались от дождя, а ящерица — от жары. В английском языке зонты от дождя и от солнца обозначаются разными словами: *umbrella* — зонт от дождя и *parasol* — зонт от солнца. В русском языке, как известно, такого различия нет. Что же касается итальянского языка, то здесь эти понятия различаются наличием уменьшительно-ласкательного суффикса в слове, обозначающем зонт от солнца: *ombrello* и *ombrellino*. Наверное, именно эту лексическую особенность можно использовать для русскоязычного перевода:

Рыбки вдруг раскрыли зонт –
Значит, в тучах горизонт.
Вышел ящер из норы,
Вынул зонтик от жары.

Перевод наш — Л.З.

Анализируя италиязычные переводы стихотворений, Уильям Майкл Россетти писал: «Изысканная утонченность итальянской речи обогащает мелодию стиха». Английский стих у Кристины Россетти оказывается более энергичным, итальянский — более лиричным. При этом нерегулярность (разные протяжённость и метр) стиха сильнее в версиях итальянских. В одном из лучших — поистине философском стихотворении Россетти утверждает, что в мире нашем тяжёлы морской песок и горе, коротки сегодня и завтра, хрупки весеннее цветение и молодость, глубоко океан и истина. Вот как звучит это стихотворение в переводе Маши Лукашкиной:

Что глубоко? Колодец и горе.
Что широко? Улыбка и море.
Что быстротечно? Юность и цвет.
Что бесконечно? Солнечный свет.

Переводчица очень точно передала чёткое деление на полустишия с цезурой (паузой) в середине каждого стиха. При этом рифмуются как левые, так и правые полустишия. «Жёсткую конструкцию» поддерживает и анафора (единоначатие), проходящая через всё произведение. Так построена английская версия. В итальянской же версии эта стройная структура распадается, стихотворение — по существу, вирши (рифмованная проза), но с внутренней рифмой. Оно как бы рассчитано на чтеца, голосом своим, каденциями, паузами создающего ритм, как в произведениях фольклора.

В одном из стихотворений рассказывается о некоем существе, сидящем в тепле и уюте и наслаждающемся хлебом и молоком, — и о уютящейся на морозе и довольствующейся лишь крошками малиновке. Стихотворение можно воспринять как противопоставление двух существ и даже как чуть ли не упрёк сидящему в тепле. Этому англоязычному стихотворению поэсса «подарила» две италиязычные версии — и в каждой из них подчёркивается, что сидящее в тепле существо — девочка — готова поделиться своим супом с маленькой, страдающей от холода птичкой (теперь это коноплянка). В первой итальянской версии девочка отворяет птичке окно, во второй — приглашает отведать своего супа. Таким образом, итальянские версии не только дополняют английский оригинал, но и корректируют его, вносят новые оттенки.

В 1874 г. появилась сказочная повесть Кристины Россетти «Живые подобию» (*Speaking Likenesses*).

Один из крупнейших историков детской литературы Ф.Дж. Харви Дартон утверждал, что детские книги всегда были ареной борьбы между поучением и развлечением (*Children's books in England: Five Centuries of Social Life*. — Cambridge, 1982. — P. VII). В викторианской Англии, когда жила и писала Кристина Россетти, предпочтение официальных литературных кругов явно отдавалось поучению. Строгая викторианская мораль диктовала необходимость назидания, морализаторства. И, вместе с тем, в 1865 г., через 28 лет после начала правления королевы Виктории (всего она правила 64 года), появилась «Алиса в стране чудес» Льюиса Кэрролла, ознаменовавшая совершенно иной подход к детской литературе, утвердившая развлечение как основу произведения для детей. Больше того, Кэрролл доказал, что психология ребёнка, и в первую очередь его воображение, разнообразнее и изобретательнее, чем у взрослых. Источником приключений у него становится как раз богатое воображение Алисы, а не навязываемые авторами детских книг опасности, стоящие на пути не освоившего моральные нормы ребёнка.

В сказочной повести Кристины Россетти, по существу, сталкиваются тенденции поучения и развлечения — традиционные представления о построении сюжета на основе «исправления» детских грехов (приключения — это испытания) и чисто развлекательное начало.

Повесть состоит из трёх историй трёх девочек. Приключения героини первой истории — Флоры — совершаются, как и у Кэрролла, во сне. Сны здесь — отражение реальных явлений

современной действительности. У Кэрролла, однако, и консерватизм английского мышления, и сумбур всяческих собраний и общественных дискуссий, и другие явления социальной жизни даны в очень забавной форме. У Россетти же детские недостатки превращают их носителей прямо-таки в страшных чудовищ (традиции назидательной литературы). В приключениях героини третьей повести — Мэгги — наблюдаются ассоциации с приключениями Красной Шапочки Шарля Перро и андерсеновской Герды.

В книгах Кэрролла, как известно, «скрыт» богатый научный материал, в частности, по математической логике. Россетти знакомит детей — и тоже в увлекательной форме — с некоторыми законами физики (в приключениях героини второй истории — Эдит).

Но главное, что роднит «Живые подобию» с кэрролловскими повестями, — изобретательные лингвистические игры.

Сказочная повесть Кристины Россетти была переведена на русский язык в 2005 г. Дарьей Макух под названием «Говорящие образы». Этот перевод был выполнен в качестве дипломной работы на отделении художественного перевода Института журналистики и литературно-

го творчества, его рекомендовали к печати. Однако на сегодняшний день он не издан.

Первая публикация Кристины Россетти на русском языке, насколько нам известно, была осуществлена ещё в 1897 г. Это было стихотворение для взрослых «Милый друг, как умру я — не пой...» Автор — поэт-сатирик и переводчик У. Шекспира П.И. Вейнберг. И только в 80-е гг. XX века стихотворения Кристины Россетти вновь пришли к русскоязычному читателю — четыре стихотворения (тоже для взрослых) в переводе С. Бунтмана, В. Топорова и А. Шараповой. Первое детское произведение Россетти появилось на русском языке в 1937 г. Это был «Рынок Гоблинов» в переводе Е. Полонской. В настоящее время этот перевод не просто библиографическая редкость, он практически недоступен для читателей. Лишь в конце XX — начале XXI вв. в различных изданиях появились переводы стихотворений из «Концерта-фантазии», осуществлённые Виктором Луниным, Машей Лукашкиной и автором настоящей статьи. Опыт ряда педагогов и библиотекарей свидетельствует о том, что детские стихотворения Кристины Россетти живо и активно воспринимаются детской аудиторией, полезны для семейного чтения.

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ СБОРНИКА «КОНЦЕРТ-ФАНТАЗИЯ. КНИГА ДЕТСКИХ СТИХОВ»

Переводы Леонида Зимана

Стихотворения написаны на английском языке,
однако некоторые из них переведены автором на итальянский язык.

При переводе этих стихотворений учитывались и англоязычная, и италияязычная версии.

Двужызычные стихотворения

Колыбельная песня

Спят цветы, и спят ягнятки.
Баю-бай!
Лишь луна глядит украдкой.
Баю-бай!
Звёзды по небу плывут.
Баю-бай!
Даже птички не поют.
Баю-бай!
Спи, малютка, засыпай.
Баю-бай!

Коралл

Что, матрос, привёз на берег,
Проплывая между скал?
Красно-белый, красно-белый
Удивительный коралл.
Ни киркой и ни лопатой
Я его не откопал.
Да и с дерева, ребята,

Я коралла не сорвал.
Называется книдарией
Тот зверёк, что очень мал.
Морем штормовым подаренный,
Ею создан был коралл.

Ягнёнок

Сиротка-ягнёночек —
Милый ребёночек —
Гуляет один на холме.
Хватило б силёнок...
Тебя, мой ягнёнок,

Избавить от голода,
Спрятать от холода
Очень хотелось бы мне.

Лягушонок

Шапочка, как кружево,
пальто — зелёный мех.
Лягушонок-труженик
на глазах у всех,
Как через скакалку,
прыг-прыг-прыг — и квак!

Не швырну я палку —
я тебе не враг.
Разойдёмся дружно,
мирно — ты и я.
Прощаться нужно:
до сви-да-ния.

Что несёт ветер?

Бродяга ветер, как поёшь!
Нам с запада приносишь дождь —

